

ВВЕДЕНИЕ

Политические потрясения, произошедшие на рубеже двух первых десятилетий XXI века в одном из важнейших в геополитическом отношении регионе мира – на Ближнем Востоке и в Северной Африке, по своим масштабам, глубине и последствиям, несомненно, стали рубежным явлением в новейшей истории человеческой цивилизации. Они заметно повлияли на ход истории не только в странах обширного региона Ближнего Востока и Северной Африки (РБВСА), но и в мире в целом.

Суть краха авторитарных режимов в Египте, Тунисе, Ливии, Йемене, потрясений в других странах региона состоит в том, что авторитарная (а на поздних стадиях, непосредственно перед коллапсом, превратившаяся в отдельных странах в откровенно диктаторскую) модель власти, сложившаяся в основном в своих нынешних чертах во второй половине XX века, стремительно утрачивала свою и без того ограниченную креативность и адекватность вызовам XXI века в условиях динамично трансформирующегося мира.

Массовые протестные выступления против острейших, если не сказать вопиющих проявлений социального неравенства, тотальной коррупции, пренебрежения основными правами человека, запредельной концентрации властных функций, манипулирования процессами общественной жизни и хозяйственной деятельности, попрания конституционных норм приняли беспрецедентный характер. В отдельных странах региона БВСА, в том числе и в тех, которые в немалой степени влияют на международную безопасность, на формирование в целом международного климата, вспыхнули кровопролитные гражданские войны; вооруженные конфликты грозили перекинуться на соседние с ними страны и регионы. В отдельных случаях (ситуация вокруг Сирии, Ирака, Сомали) это произошло.

Одним из следствий общественных потрясений, краха авторитарных режимов и образовавшегося политического вакуума на политической сцене, в течение десятилетий «зачищаемой» павшими режимами, стала резкая активизация представляющих грозную силу, экстремистских, террористических, сепаратистских движений и групп. Обозначилась устойчивая тенденция эрозии государственности, распада отдельных госу-

дарств. Обострились межконфессиональные и межэтнические отношения в странах и районах соприкосновения крупнейших мировых цивилизаций и религий, десятков малых и больших этносов. Падающая власть, и это – верный признак ее загнивания, в условиях острого противостояния – стала действовать, проводить курс по принципу «чем хуже – тем лучше», подчас провоцируя все виды внутренних конфликтов – между конфессиями, этносами, социальными группами и слоями, стремясь перенаправить угрожающе растущее общественное недовольство властью на других акторов, в том числе и внешних, с осознания причин системного кризиса – на их последствия, вызванные курсом/системными ошибками падающего режима. Спровоцированные внутренние конфликты и гражданские войны начали стремительно разрастаться.

Все это крайне негативно повлияло на ситуацию на Ближнем Востоке и в Северной Африке в целом, на международные отношения в этом районе мира и сопредельных с ним регионах и, как следствие, на международную безопасность: стремительно нарастали межгосударственные трения, резко активизировались международные тергруппы и движения. В вооруженных конфликтах отчетливо проявилась нарастающая опасность вовлечения в конфликты компонентов оружия массового поражения (ОМП) – химического оружия – в Ираке, а также Сирии, где его применение в 2013 г. привело к многочисленным жертвам, и несравненно более опасного – ядерного: в Ираке ИГИЛ (ДАИШ), исторически связанная с аль-Каидой (террористические организации, запрещенные в Российской Федерации), захватила в 2014 году десятки килограммов урана¹.

В условиях беспрецедентного по своим масштабам и остроте противостояния между прямыми его участниками и косвенно втянутыми сторонами вспыхнула бескомпромиссная информационная война, которая не только не стихает, а лишь разгорается с новой силой, нагнетая и существенно повышая без того высокий накал напряженности. Симптоматично – на авансцене политической жизни в ряде районов мира появились новые типы массового гражданского противостояния, локальных и международных вооруженных конфликтов, войн, в том числе так называемых гибридных.

Есть основания утверждать, что в ближайшей, среднесрочной или в более отдаленной перспективе массовые протестные движения, в которые стремятся влиться радикальные, экстремистские организации и группы и сыграть лидирующую роль в попытках захватить власть, могут привести к такой степени накала противостояния, которое будет иметь катастрофические последствия не только странового, но и регионально-го масштаба, что, вероятно, затронет всю систему международной безопасности.

Сказанным выше не исчерпываются возможные последствия краха цеплявшихся за власть авторитарных режимов, что лишь привело к подъему волны протестных, революционных движений, к нарастанию признаков анархии. Следует особо подчеркнуть, это резко усилило непредсказуемость/неопределенность в развитии региона БВСА, в частности, и мировой цивилизации в целом.

Глобализация, формирование единого информационного пространства во всех его измерениях и «ипостасях» усилили динамику ряда ключевых политических, экономических, социальных тенденций (как позитивных, так и негативных) в центрах и на обширной периферии человеческой цивилизации, обострились кризисные явления, которые перешли или грозят перейти в фазу системных кризисов. Одним из ряда знаковых явлений стали беспрецедентные по своему размаху и динамике беженчество и нелегальная миграция из затронутых вооруженными конфликтами районов стран Ближнего Востока и Северной Африки.

Протестные, революционные потрясения и их последствия существенно усложнили ход истории, меняя не только облик современного мира, но и движущие «пружины» и рычаги современных международных отношений, целевые установки и мотивационные составляющие их активных акторов.

Это не могло не отразиться на понимании происходящих событий, их интерпретации в различных слоях общества, в международном экспертном сообществе, политической и культурной элитами, и, в конечном счете, на формировании общественного мнения (роль и значение которого в условиях информационной открытости мира резко выросло) в его локальном, страновом, региональном и глобальном измерениях...

Заметно расширилась палитра оценок и мнений относительно острых «проблем современности». Политические потрясения и вооруженные конфликты в 2000 годы в Египте, Ираке, Сирии, Йемене, а ранее в Алжире, Сомали, Судане особенно рельефно отразили различия в оценке характера событий, порой диаметрально противоположные, среди членов СБ ООН, в международном сообществе, среди экспертов и аналитиков. Существенно меняются и векторы ближневосточной и шире – глобальной политики основных акторов современных международных отношений.

Многие из суждений и выводов, в том числе и представленные в данной работе, не бесспорны и носят дискуссионный характер. Особое место среди них занимают оценки всевозможных конспирологических версий относительно причин политических потрясений, исторической роли авторитарной власти, целей, задач и перспектив реформ, начавшихся в РБВСА еще в XX веке или возобновившихся в текущем столетии.

В этих условиях резко актуализировалась проблема выбора методологии анализа и оценок общественно-политических процессов, происходящих на Ближнем Востоке и в Северной Африке, сопредельных с ними и в более отдаленных регионах мира. Представляется, что проблема выбора, совершенствования методологии исследования общественных процессов, стоит перед научным и экспертным сообществом как никогда остро и злободневно.

На эти и прочие, связанные с ними острее вопросы современной общественно-политической жизни РБВСА, других регионов и стран, мирового сообщества в целом, попытались ответить ученые, эксперты в опубликованных в России монографиях, сборниках и статьях². Однако их авторы справедливо отмечают, что политические потрясения в регионе БВСА и шире – в других регионах мира, займут длительную полосу в истории стран, народов и цивилизаций, что потребует тщательного, междисциплинарного исследования их причин, последствий и, главное, инструментария, методов и путей выхода из кризисных ситуаций

Содержащиеся в предлагаемой читателю монографии подходы и оценки не исчерпывают всей полноты затронутых проблем, в значительной своей части они лишь очерчивают остроту проблем, связанных с процессами модернизации Арабского Востока и международной безопасности. Представленные в работе суждения и оценки отражают исключительно авторскую позицию.

Авторский коллектив: к.и.н. Аксененок А.Г. (гл. 3, п. 2), д.и.н. Кобищанов Ю.М. (гл. 5, п. 3), к.э.н. Кофанов И.Т. (гл.2, п. 5; гл. 4, п. 5), к.э.н. Кукушкин В.Ю. и Мещерина К.В. (гл. 2, п. 5), к.и.н. Михин В.Л. (гл.3, п. 3), к.э.н. Ткаченко А.А. (Введение, гл. 1, пп. 1-3; гл. 2, пп. 1-4; гл. 3, п. 1; гл. 4, пп. 1-3, 5; гл. 5, пп.1, 2, 4), к.полит.н. Костелянец С.В. (гл.2, п. 5), к.воен.н. Мезенцев С.В. (гл. 4, п. 4), к.и.н. Михайлов Б.Л. (гл.3, п. 4).

¹ Ирак уведомил ООН о захвате исламистами ядерных материалов // iraq-nuclear/1954485.html; www.postsoviet.ru/blog/russia/491368.html

² *Васильев А.М., Ткаченко А.А.* Революционные потрясения в Северной Африке // «Россия в полицентричном мире». М., 2011; *Васильев А.М., Петров Н.И. и др.* Рецепты Арабской весны: русская версия. М., 2012; «Протестные движения в арабских странах». М., 2012; Е.М.Примаков. «Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами. Вторая половина XX – начало XXI века». Второе изд., пер. и доп. М., 2012; В.В.Наумкин, В.В.Попов, В.А.Кузнецов и др. «Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше?». Сб. статей. М., 2012; «Арабский кризис и его международные последствия». М., 2014; «Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. Страны Северной и Северо-Восточной Африки». М., 2015; М.Ф.Видясова, В.В.Орлов. Политический ислам в странах Северной Африки. М., 2008 и др.